

Содержание

Психологический комментарий к тибетской «Книге Великого освобождения»	5
1. Различия между восточным и западным мышлением	5
2. Комментарии к тексту	43
Психологический комментарий к «Бардо Тхедол»	73
Йога и Запад	109
Предисловие к работе Д. Судзуки «Введение в дзен-буддизм»	126
К психологии восточной медитации	164
Об индийских святых	196
Предисловие к «И-цзин»	216

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
КОММЕНТАРИЙ
К ТИБЕТСКОЙ «КНИГЕ ВЕЛИКОГО
ОСВОБОЖДЕНИЯ»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
КОММЕНТАРИЙ
К «БАРДО ТХЕДОЛ»
(«ТИБЕТСКОЙ КНИГЕ МЕРТВЫХ»)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К ТИБЕТСКОЙ «КНИГЕ ВЕЛИКОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ»¹

1.

Различия между восточным и западным мышлением

Доктор Эванс-Венц² доверил мне прокомментировать текст, который наглядно выражает восточную «психологию». Уже тот факт, что мне приходится прибегать к кавычкам, показывает, что употребление данного слова видится довольно спорным. Пожалуй, не будет преувеличением

¹ Написано в 1939 г., опубликовано на английском языке в работе «Тибетская Книга Великого освобождения» под ред. У. Эванса-Венца (1954). На немецком впервые опубликовано в 1955 г.

² Американский антрополог, пионер изучения тибетского буддизма, первый публикатор «Тибетской Книги мертвых». — *Примеч. пер.*

заявить, что Восток не создал ничего подобного нашей психологии, ограничившись одной только метафизикой. Критическая философия, мать современной психологии, осталась для Востока столь же чуждой, какой она была для средневековой Европы. Потому-то слово «ум» на Востоке имеет исключительно метафизическое значение. Наше западное понимание разума утратило это значение за столетия после Средних веков, и сегодня мы говорим уже о «психической функции». Конечно, мы не знаем — и не притворяемся, будто знаем, — что такое «психическое», но все же мы в состоянии внести ясность в представление об «уме». Мы не считаем ум метафизической субстанцией, не верим в связь индивидуального ума с гипотетическим Вселенским разумом. Потому наша психология является наукой, изучающей наблюдаемые феномены, без каких бы то ни было метафизических воззрений. За последние два столетия западная философия в своем развитии преуспела в том, чтобы выделить уму собственную область бытия и разорвать его первобытное единство со Вселенной. Сам человек перестал быть микрокосмосом и подобием космоса, а его *anima* уже не воспринимается как единосущная *scintilla* (искра) мировой души — *Anima Mundi*.

Соответственно, психология трактует все метафизические положения и утверждения о духов-

ных явлениях как высказывания об уме и его структуре, обусловленные в конечном счете некими бессознательными предрасположенностями. За этими высказываниями не признается абсолютная ценность, и вовсе не считается, будто они способны установить метафизическую истину. Мы не располагаем интеллектуальными средствами, которые позволили бы решить, правильна такая установка или ошибочна. Мы знаем лишь, что общезначимая достоверность любого метафизического постулата, — скажем, о Вселенском разуме, — не доказана и недоказуема. Когда наш ум заверяет в подлинности существования Вселенского разума, он просто делает некое утверждение. Мы нисколько не допускаем, что этим утверждением и вправду доказывается существование Вселенского разума. На подобные рассуждения нечего возразить, но доказательств, что наш вывод безусловно верен, тоже нет. Иными словами, наш ум с тем же успехом может быть и воспринимаемым проявлением Вселенского разума, но мы не знаем — и даже вообразить не в силах, — так это или не так на самом деле. Психология справедливо полагает, что ум не в состоянии ни описать, ни объяснить ничего, кроме себя самого.

Мирясь с ограничениями нашего ума, мы тем самым проявляем здравомыслие. В какой-то сте-

пени, согласен, мы идем на жертву, расставаясь с миром чудес, в котором живут и действуют созданные умом предметы и существа. В таком первобытном мире даже неодушевленные объекты наделяются животворной, исцеляющей, магической силой, посредством которой они соучаствуют в нашей жизни, а мы соучаствуем в их жизни. Рано или поздно, но пришло понимание того, что их власть есть наша собственная власть, а их реальная значимость есть результат нашей проекции. Теория познания — это всего-навсего последний шаг из юности человечества, из мира, где сотворенные умом фигуры населяли метафизические небеса и метафизическую преисподнюю.

При всей правоте этой неотразимой теоретико-познавательной критики мы упорно продолжаем придерживаться убеждения, что некий орган веры открывает человеку способность познавать Бога. Так на Западе появилась новая болезнь — конфликт между наукой и религией. Критическая философия науки сделалась, так сказать, негативно-метафизической, иначе говоря, материалистической, исходя из ошибочного суждения: материю сочли осязаемой и воспринимаемой реальностью, тогда как она — всецело метафизическое понятие, гипостазируемое не критическими умами. Материя — это гипотеза. Рассуждая о материи, мы фактически создаем символ для чего-то

неведомого, каковое с равным основанием можно именовать «духом» или чем-то еще, даже, быть может, Богом. Религиозная вера, со своей стороны, отказывается отрекаться от своего докритического мировоззрения. Вопреки призыву Христа, верующие пытаются оставаться детьми, вместо того чтобы стать как дети. Они цепляются за мир детства. Один известный современный теолог в своей автобиографии признается, что Иисус был ему добрым другом «с самого детства». Иисус — это убедительный пример человека, который проповедовал нечто, отличное от религии предков. Но *imitatio Christi*, по-видимому, не подразумевает той духовной и умственной жертвы, которую пришлось Ему принести в начале своего пути и без которой Он никогда не стал бы Спасителем.

Конфликт между наукой и религией в действительности обусловлен превратным пониманием обеих. Научный материализм лишь гипостазировал нечто новое, впад в интеллектуальный грех. Он дал высшему принципу реальности другое имя и поверил, что тем самым было создано нечто новое и разрушено нечто старое. Называя мы принцип бытия Богом, материей, энергией или как-нибудь еще, мы ведь ничего не создаем — только меняем символ. Материалист — это метафизик *malgre lui* (вопреки всему). Вера же, со своей стороны, по чисто сентиментальным при-

чинам пытается сохранить первобытное состояние ума. Она держится за первобытное, детское отношение к созданным умом и гипостазированным образам, она намерена и далее наслаждаться ощущением защищенности и прочности в мире, надзор за которым осуществляют могущественные, ответственные и добрые родители. Вера может включать и *sacrificium intellectus*, интеллектуальную жертву (при условии, что есть чем жертвовать), но никогда не жертвует чувствами. Потому-то верующие остаются детьми, вместо того чтобы стать как дети, — они не обретаю жизнь, поскольку ее не теряли. Кроме того, вера сталкивается здесь с наукой и отвергает возможность участия в духовных исканиях нашей эпохи.

Любой, кто пытается мыслить честно, вынужден признать недостоверность метафизических воззрений — в особенности же всех вероисповеданий. Приходится признавать и недоказуемую природу всех метафизических положений, а также мириться с тем фактом, что способность человеческого рассудка вытаскивать себя за волосы из болота ничем не подтверждается. Так что крайне сомнительно, чтобы человеческий ум мог помыслить нечто трансцендентальное.

Материализм представляет собой метафизическую реакцию на внезапное осознание того, что познание есть духовная способность, которая ста-

новится проекцией, выходя за пределы человеческого. Эта реакция «метафизична» постольку, поскольку человек с посредственным философским образованием не смог разглядеть подразумеваемое гипостазирование, не заметил, что материя — лишь другое имя для высшего принципа бытия. А установка веры показывает, сколь неохотно люди принимают философскую критику и сколь велик страх перед необходимостью отказаться от защищенности детства, ринуться в чуждый и неведомый мир, где правят силы, которым человек безразличен. По сути, в обоих случаях ничего не меняется: человек и его окружение остаются на своих местах. Надо лишь увидеть, что человек заперт в своем психическом и никогда, даже в безумии, не может выйти за его пределы; что форма, в которой предстает мироздание или боги, во многом зависит от состояния его собственного ума.

Мне уже приходилось подчеркивать, что наши высказывания о метафизических вопросах обусловлены прежде всего устройством нашего ума. Нам также становится ясно, что интеллект — отнюдь не *ens per se* (нечто само по себе), не само-сущая или независимая способность ума, что он представляет собой психическую функцию, зависимую от особенностей психики как целого. Философское утверждение выступает продуктом

определенной личности, живущей в определенное время в определенном месте, не является результатом сугубо логического и безличного процесса; в этом смысле оно преимущественно субъективно. Обладает оно объективной значимостью или нет, становится понятным, когда выясняется, много или мало людей мыслит сходным образом. Изоляция человека в собственной психике вследствие теоретико-познавательной критики естественным образом влечет за собой психологическую критику. Такой вид критики не по душе философам, которые предпочитают видеть в философском интеллекте совершенный и непредвзятый инструмент. Впрочем, этот интеллект есть функция, зависящая от индивидуальной психики и определяемая со всех сторон субъективными обстоятельствами, помимо влияния окружения. Мы уже настолько свыклись с этой точкой зрения, что «ум» полностью утратил свой вселенский характер, сделался более или менее очеловеченной величиной, без каких бы то ни было следов прежнего метафизического и космического бытия в виде *anima rationalis* (рациональной души). Ныне ум понимается как нечто субъективное или даже произвольное. Ранее гипостазированные всеобщие идеи суть, как стало очевидно, духовные принципы, и мы постепенно начинаем сознать, до какой степени весь наш опыт по-